

Ся Гу, ещё мгновение назад двигавшийся, вдруг замер — тело словно сковало невидимыми путами, не давая пошевелиться. Перед ним, в полупрозрачном облике, шаг за шагом приближался... призрак.

Когда ледяная хватка впилась в его руку, холод пронзил до костей. Ся Гу разглядел лицо существа, и страх, словно отточенный клинок, ударил от копчика прямым в сердце.

Тот был ужасен: кожа на лице обгорела, и Ся Гу даже слышал, как она потрескивает, будто до сих пор тлеет. Руку сжимала нечеловеческая сила, и ощущение отделения души от тела нарастало — будто его разрывали на две части.

Дверь на кухню оставалась закрытой, и Ся Гу слышал, как за ней Сюй Си яростно кричал, требуя открыть. Душа постепенно отрывалась от плоти, глаза Ся Гу расширялись всё больше, и когда последняя искра жизни в нём погасла, душа, словно растянутая резинка, вдруг «взвизгнула» и втянулась обратно в тело.

В тот же миг перед ним возникла высокая фигура. Широкие плечи, стройный стан. Человек стоял недвижно, твёрдый, как утёс, лёгким взмахом руки обратив призрачную сущность в пыль.

Мужчина обернулся, взглянул на остолбеневшего Ся Гу, и уголок его губ дрогнул в полуулыбке:

— Я пришёл.

Он так сильно соскучился по Ся Гу, что вернулся от Лао-цзюня на день раньше.

Сердце бешено колотилось в груди, и Ся Гу постепенно приходил в себя от шока. Подняв глаза на Янь-вана с его спокойной улыбкой, он ощутил целую гамму чувств и на миг потерял дар речи. Слабо пошевелив рукой, Ся Гу одарил его сияющей улыбкой:

— Ваше Величество, вы пришли.

У Янь-вана не было телесной сферы, и обычно он никогда не покидал Дифу. Но сегодня он появился в миг, когда жизнь Ся Гу висела на волоске, и спас его от беды. Это чувство защищённости вызвало в Ся Гу волну признательности, смешанной со сладким теплом.

Однако благодарность и умиление вмиг развеялись, когда Ся Гу широко раскрыл глаза. Проклятье, как Янь-ван узнал, что он человек?

Всё это время его считали мелким служителем Дифу, и он никогда не признавался Янь-вану, что он — живой человек! Более того, при первой и второй встрече Хэй и Бай Учаны прямо заявили, что он — новоприбывший служащий. Даже специально отправили Ся Гу в Ад убирать за Сяо Хуа, лишь бы Янь-ван не прознал правду!

А теперь что? Янь-ван, стоящий перед ним, всё знает?

Ся Гу оторопел настолько, что едва мог выговорить слово.

— Ва... Ваше Величество, вы знаете... знаете, что я человек?

В феодальные времена обман правителя карался смертью. Теперь, когда Янь-ван узнал, что его обманули, что будет?

Янь-ван спокойно взглянул на Ся Гу, лицо его оставалось невозмутимым.

— Зарплату Хэй и Бай Учанов уже вычли.

О том, что Ся Гу — человек, Цуй Юй доложил ему ещё тогда, когда тот собирался обрести телесную сферу. То, что Хэй и Бай Учаны вместе с Ся Гу его обманули, конечно, вызвало досаду. Но не настолько, чтобы пугать Ся Гу до полусмерти.

Спокойно договорив, Янь-ван повернулся к Ся Гу, глядя на его побелевшее лицо, и с лёгкой усмешкой добавил:

— Они допустили халатность по службе, ты тут ни при чём. К чему этот испуг?

Хотя в словах не звучало явного утешения, Ся Гу расслабился. Он хихикнул, страх перед Янь-ваном поутих, и, ободрённый, подступил ближе, глаза загорелись:

— Значит, я могу и дальше ходить в Дифу?

Янь-ван уже давно знал правду, но не говорил Ся Гу, опасаясь, что тот перестанет являться в Дифу. К его удивлению, Ся Гу, похоже, даже рвался туда.

Улыбка Ся Гу была заразной — ясной и открытой. Янь-ван слегка сжал губы и кивнул:

— Можешь. Но сегодня — никуда.

Янь-ван отправился к Лао-цзюню на проверку души и мог остаться там на день. Однако он предпочёл вернуться раньше, никого не известив в Дифу, и направился напрямик в мир Ян к Ся Гу. Взяв три дня отпуска, он не хотел возвращаться в Дифу и решил провести день с Ся Гу в мире живых.

То, что Ся Гу стал проявлять рвение к посещению Дифу, было хорошо, но что это был за свирепый призрак, пытавшийся вырвать его душу? Только он собрался расспросить подробнее, как оглушительный удар раздался у двери кухни.

Ся Гу обернулся и увидел Сюй Си с огнетушителем в руках, тяжело дышащего на пороге. Увидев Ся Гу, застывшего на месте, почерневший пол и едкий дым, Сюй Си в панике швырнул огнетушитель, бросился к Ся Гу и принялся ощупывать его с ног до головы, тревожно спрашивая:

— Ты не ранен? Цел?

Руки Сюй Си, словно юркие рыбки, скользили по телу Ся Гу, а лицо Янь-вана, стоящего рядом, постепенно омрачалось.

Сюй Си просто беспокоился о нём, и Ся Гу, видя, как хмурится Янь-ван, не решался протестовать. Он лишь слегка отступил, перехватил руку Сюй Си и затараторил:

— Всё в порядке, со мной всё хорошо.

Схватив руку Ся Гу, Сюй Си успокоился. Но, увидев его беззаботную улыбку, нахмурился и рывкнул:

— Ты что, идиот? Сам бросился в огонь? Закрыв дверь и не пускаешь — смерть искал?

Ся Гу, ошеломлённый, лишь криво усмехнулся:

— Но я же цел.

Это было правдой, и Сюй Си замолчал, лишь бросив взгляд на свою руку, которую тот держал.

В этот миг в комнату вошла матушка Сюй с Сюй Цзя на руках. Увидев, что Ся Гу невредим, она схватила его за руку и принялась благодарить. Ся Гу, смущённый, но всё ещё помнящий о Янь-ване, попрощался и собрался уйти пораньше.

Из-за пожара у дома уже толпились журналисты. Сюй Си, неспешно наблюдая, как Ся Гу направляется к выходу, ехидно бросил:

— Если не боишься, что тебя сфотографируют и напишут, будто ты тайком встречаешься со мной, что я тебя содержу и ты ко мне подлизываешься, — ступай.

Ся Гу замер, украдкой глянув на Янь-вана, стоявшего рядом с Сюй Си. Тот лишь хмурился, и Ся Гу, сжавшись, вернулся обратно.

Пока служанка разбиралась на кухне, матушка Сюй позвала Ся Гу к столу.

Стол в доме Сюй Си был длинным и овальным. Матушка Сюй восседала во главе, слева от неё сидел Сюй Цзя, справа — Сюй Си. Ся Гу, как гость, разместился рядом с Сюй Си, а напротив него никого не было.

Разумеется, это лишь в их поле зрения.

Для Ся Гу напротив восседал сам Янь-ван с недовольным выражением лица. Матушка Сюй радушно угощала его, Сюй Си подкладывал ему еду, и Ся Гу чувствовал себя так, будто сидит на последней трапезе.

Сюй Си, естественно, не ведал о терзаниях Ся Гу. Матушка Сюй, переполненная благодарностью за спасение жизни, готова была тут же сжечь благовония и усыновить его. А Сюй Си, хоть и не говорил ни слова, и вид имел суровый, то и дело подкладывал ему угощения, словно уже считал своим.

Матушка Сюй, видя, что Ся Гу ест скованно, завела разговор, чтобы разрядить обстановку. Она сама ещё не отошла от пережитого ужаса и почти не притрагивалась к еде.

— Ся Гу, родители твои как, здоровы? — спросила она, намереваясь в будущем навестить его семью.

Услышав о родителях, Ся Гу взглянул на матушку Сюй, и на сердце стало горько. Он поднял голову и улыбнулся:

— Мои родители умерли, когда я был маленьким.

— Ох, — ахнула матушка Сюй, и глаза её наполнились состраданием. — Значит, с бабушкой и дедушкой жил?

Ся Гу не хотел развивать тему, но боялся обидеть добрые намерения матушки Сюй. Слегка сжав губы, он ответил:

— Бабушка с дедушкой тоже умерли. В десять лет я попал в монастырь Юньянь, а после

университета нашёл работу и с тех пор живу один.

Ся Гу редко рассказывал о своей семье, даже когда спрашивали, — отделялся шутками. Сегодня же, из уважения, он ответил прямо, и это лишь усилило жалость матушки Сюй.

Ся Гу был взрослым мужчиной, и с тех пор прошло много лет. Вспоминать было неприятно, но говорить, что ему до сих пор тяжело, — значило бы кривить душой. Однако именно его спокойная сдержанность вызывала ещё большее сочувствие.

Сюй Си, до этого молча евший, нахмурился, отложил палочки и, хотя не повысил голоса, в интонации сквозило явное недовольство.

<http://bllate.org/book/16256/1462532>